

0308

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Энни Уэст

СЛИЯНИЕ ДВУХ ОДИНОЧЕСТВ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Энни Уэст

Слияние двух одиночеств

«Центрполиграф»

2009

Уэст Э.

Слияние двух одиночеств / Э. Уэст — «Центрполиграф»,
2009 — (Любовный роман – Harlequin)

После несчастливого брака, устроенного родственниками, Калли Манолис не собиралась заводить ни с кем роман. И уж тем более не собиралась заниматься сексом с незнакомцем на пляже среди бела дня. Кто этот мужчина, так неожиданно ворвавшийся в ее жизнь? И почему она никак не может забыть проведенные с ним часы?

© Уэст Э., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Энни Уэст

Слияние двух одиночеств

Глава 1

Биение собственного сердца громко отдавалось в ушах Калли. Она все еще дрожала. Глаза у нее были закрыты, и перед ними мелькали какие-то вспышки и огоньки. Они напоминали ей о жарком экстазе, потрясшем все ее существо всего пару секунд назад. С ней никогда раньше такого не было.

Кто бы мог подумать?

Она втянула воздух в легкие, вдохнула острый запах. Запах мужского пота, мускусный аромат кожи и еще что-то, что определить она не могла. Большая рука скользнула вниз по ее бедру, длинные пальцы ласкали ей кожу. Калли изумленно вздохнула от удовольствия. Он такой сильный, нежный и щедрый. Она никогда таких мужчин не встречала. И не ожидала встретить. С ним она была как в раю. Он дразнил ее и дарил ей удовольствие до тех пор, пока мир не разлетелся на сверкающие осколки и она испытала ни с чем не сравнимое наслаждение.

Она всегда будет ему благодарна за то удовольствие, которое они с ним разделили. Пусть и совсем ненадолго, оно стало связующим звеном между ними. И от этой эмоциональной связи у нее все потеплело внутри. Она так долго была одинока.

С того самого момента, как она увидела, что он спустил маленькую шляпку со своей элегантной старой яхты и стал работать веслами, и его голые плечи золотом отливали на солнце, она почувствовала – он не такой, как все. В нем было что-то особенное. Он был настолько идеальным воплощением мужественности, что у нее дыхание перехватило.

Это у нее-то, у Калли Манолис, которая за семь лет ни разу не испытывала влечения к мужчине! И думала уже, что никогда и никого больше не захочет.

Много дней она пыталась игнорировать незнакомца, который вот так вторгся в тишину частного пляжа. В ее укромный уголок. Каждое утро она лежала под сенью сосен, наплававшись, усталая, и пыталась сосредоточиться на книге, которую читала. И все-таки то и дело поглядывала туда, где он гулял по пристани, рыбачил или плавал в чистейших водах крохотной бухты.

Она ощущала его присутствие, даже когда глаза у нее были закрыты. И так уж ли нужно было ему спрашивать у нее дорогу до ближайшей деревни? По блеску в его глазах она поняла, что совсем не нужно. Но в первый раз в жизни Калли понравилось, как он по-мужски восхитился ее красотой – она прочитала это в его взгляде.

Попавшись в плен его глаз, Калли словно плыла по бескрайнему Эгейскому морю, совершенно оторвавшись от реальности. От планов на будущее, от боли прошлого, даже от недоверия, которое она испытывала к мужчинам. Да и какое значение имело доверие перед лицом столь острого притяжения?

Она не удержалась и поцеловала его, ощущая его солоноватый вкус. Из горла его вырвалось нечто среднее между рыком и урчанием.

Может, страсть так ярко вспыхнула в ней из-за длительного сексуального воздержания? Ей двадцать пять, и он ее второй любовник. Может, в этом все дело?

Ее мысль оборвалась, когда его рука двинулась вниз по ее ноге. Потом протиснулась между их телами, чтобы погладить чувствительную кожу с внутренней стороны ее бедра.

Калли изумленно втянула воздух в грудь, когда где-то глубоко внутри ее вновь зашевелилось желание. И тут же ее словно молнией пронзило, и она поняла, как сильно она опять его хочет. Обжигающее прикосновение его руки согревало ее, а потом он продвинул руку туда,

где секунду назад она снова почувствовала жажду. Она ахнула, когда он медленно, но твердо погладил ее там. И осознала вдруг, что в ее неудовлетворенном теле волной поднималось возбуждение.

– Тебе нравится? – Его глубокий голос прозвучал лениво, но очень довольно. А еще по его тону она поняла – он знает, как сильно она жаждет его прикосновений.

Он лучше ее самой понимал реакцию ее тела. Калли была в таких делах новичком, но даже настолько неопытная женщина могла распознать, что он настоящий мастер.

Она прижала ладони к его груди и приподнялась, чтобы заглянуть ему в лицо.

На его чувственных губах играла легкая улыбка, а в глазах она увидела блеск и приглашение. Непослушные черные волосы упали ему на лоб в художественном беспорядке после того, как она сжимала их в порыве страсти. Взглядом она скользнула ему по подбородку, по сильной и мощной шее, пока не наткнулась на красное пятно.

Это что, засос? Не может быть, чтобы она вела себя так безумно и дико.

– Мы не можем, – выпалила она. – Не можем сделать это еще раз.

Его черная бровь взметнулась вверх, и он улыбнулся ей уверенно, не торопясь – эта улыбка отзывалась радостью в каждой клеточке ее тела.

– Я бы не стал говорить об этом с такой уверенностью, малышка.

Он снова пошевелил ищущими пальцами, и она вся задрожала.

Она инстинктивно сжала рукой его запястье, хотела отвести его руку. Ей нужно подумать. Но она не могла сдвинуть его ни на миллиметр. Его прикосновение дарило ей ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Да, – прошептал он, вглядываясь в нее, его взгляд словно насквозь ее пронизывал. – Обними меня, пока я буду тебя трогать.

Калли широко распахнула глаза от этих слов, полных нарочитого эротизма. Сердце подпрыгнуло у нее в груди. Тепло, разливающееся у нее между ног, никак не сочеталось с поднимающимся в ней протестом. Это просто невозможно после того, как отчаянно они занимались любовью. И все же, когда его сильная рука вот так движется под ее рукой, это... возбуждает. И твердеющая и увеличивающаяся в размерах часть его тела, прижатая к ее бедрам, свидетельствовала о том, что и он тоже находит это сексуальным.

– Нет, – задыхаясь, сказала она. Она зажмурилась, пытаясь контролировать свое тело. – Мне нужно идти. Мне нужно...

– Шш, *glikia tou*, – промурлыкал он соблазнительным бархатным голосом. – Расслабься и получай удовольствие. Никакой спешки. Нет ничего важнее вот этого.

Его рука скользнула ей на затылок, и он неумолимо притянул ее к себе, к своим губам. Поцелуй был долгий, томный и соблазнительный. Все желание Калли сопротивляться и противостоять ему исчезло, как ушедшая в песок морская вода. Как может ей все это казаться таким естественным, ведь с ней никогда в жизни такого не было?

– Уйдешь попозже, – промурлыкал он ей прямо в губы, сопровождая лаской каждое свое слово. – После этого.

«После этого». Она ответила на его поцелуй. Остатки ее самообладания растворились в огне все возрастающей страсти.

Как же легко было отдаться на милость этому умелому соблазнителю! Отбросить осторожность, которой она всю жизнь руководствовалась, и радоваться каждому проведенному с ним мгновению. Забыть реальный мир и те горькие уроки, которые этот мир ей преподавал. Еще немного. Чуть-чуть счастья.

Безумие.

Вот что это было, решила Калли, стоя перед зеркалом в своей гостевой комнате. Ничем больше нельзя объяснить то, как она позволила себя соблазнить.

Нет, не просто позволила. Она его на это поощряла, жаждала ощутить прикосновение его мускулистого тела. Она вся сгорала от нетерпения. Ей так хотелось той любви, которой у нее никогда не было и которую теперь ей довелось испытать, к огромному своему удивлению и радости.

С незнакомцем.

Она задрожала при мысли о том, что она сделала. Это она-то, женщина, которую таблоиды прозвали Снежной королевой, страстно и без остатка отдалась незнакомцу! Не раз. И не два. А три раза подряд в последовательности, от которой замирало сердце и сбивалось дыхание. Шок и стыд захлестнули ее, когда она во всех самых мелких подробностях припомнила то, что произошло.

Ей даже не хватило благопристойности на то, чтобы смутиться, когда она увидела, что у него с собой презервативы. Она испытала только облегчение.

У него было тело пловца – широкие плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги и руки и легкая и свободная походка сильного человека. Таких она видела на пляжах у себя дома в Австралии много лет назад. И никак не ожидала увидеть на крохотном пляже на севере Греции, до которого туристы обычно не добирались.

Она знала ослепительно красивых мужчин. И они оставляли ее равнодушной. У нее никогда не учащался пульс от их шарма и внешности. Сплетники были крайне разочарованы, когда шесть лет она хранила верность мужу, который был намного старше ее.

И даже тот факт, что мужу она нужна была только для того, чтобы выставлять ее напоказ как свою собственность и ревниво охранять ее ото всех, не заставил ее искать утешения на стороне. Алкис был импотентом, и Калли похоронила свое либидо и свои эмоции на время их асексуального и несчастливого брака. Даже более того, его болезненная ревность и пугающие вспышки гнева заставили ее держать мужчин на расстоянии. Она научилась отваживать особенно назойливых ухажеров с холодным изяществом, которое стало ее фирменным знаком.

Никогда прежде ее не сжигала такая огненная жажда при взгляде на мужчину. До сегодняшнего дня, когда несколько часов назад она увидела его в уединенной бухте поместья своего дяди. Это было секундное помешательство, которое нашло на нее из-за того, как она беспокоилась за здоровье тетушки, и стресса, который она испытывала за время этих вынужденных каникул в доме своего дяди. Из-за того, что наконец-то она расслабилась после ужасных последних месяцев жизни мужа.

Из-за того, что всю жизнь она была хорошей девочкой и делала то, что от нее ожидали.

Губы Калли изогнулись в невеселой улыбке, когда она посмотрела в глаза своему отражению в зеркале. Сейчас она совсем не похожа была на хорошую девочку.

Она сделала так, как хотел ее дядя – надела длинное, в пол, платье, чересчур пафосное и совершенно неподходящее для семейного ужина. Сделала высокую прическу и надела броский бриллиантовый гарнитур из кулона и браслета, единственный оставшийся у нее подарок Алкиса. Но даже строгая одежда не могла скрыть произошедшую в ней перемену.

Щеки ее разрумянились, глаза слишком сильно блестели, губы припухли. Да и это выражение тайного удовлетворения наверняка ее выдает. Она должна быть в ужасе от того, что сделала, – ей должно быть стыдно. И все же сейчас, когда она смотрела на незнакомку в зеркале, ей до смерти хотелось забыть о нудном ужине, который устраивает ее дядя, босиком помчаться по пляжу и найти своего незнакомца.

Ее любовника.

Она ведь не знала даже, как зовут этого мужчину.

Но она никогда не сможет этого сделать. Калли слишком хорошо выдрессировали. Она безжалостно подавила мятежнический импульс проигнорировать то, что вбивали в нее всю жизнь, и броситься к мужчине, с которым она поделила свое желание и загнанную куда-то глубоко внутрь себя настоящую.

У нее были полдня безумия. А теперь все закончилось, и ей нужно забыть его, пока он не сокрушил все ее с таким трудом отвоеванные и выстроенные защитные барьеры.

– Я хочу, чтобы сегодня вы, девочки, особенно постарались. – Дядя Аристидис умудрился сказать это таким тоном, что простое утверждение превратилось в угрозу. Он погрозил пальцем своей дочери, стоящей рядом с Калли. – Особенно ты, Анджела. Твоей матери опять нездоровится, так что ты будешь играть роль хозяйки дома.

Глядя, как дядя нахмурил брови и какое несчастное выражение появилось на лице у Анджелы, Калли проглотила колкость, которую уже готова была сказать в ответ. Если она разозлит дядю, поплатится за это ее послушная кузина.

– Вечер пройдет идеально, дядя. Я говорила с прислугой. Все приготовленные блюда смотрятся просто великолепно, а лучшее коллекционное шампанское уже охлаждается. Уверена, это произведет впечатление на твоего гостя.

– Надеюсь, – проревел дядя. – У нас сегодня важный посетитель. Очень важный.

У Калли все внутри сжалось от дурного предчувствия. Что именно он планирует? Это не просто празднование ее двадцатипятилетия в семейном кругу. Бриллианты и дизайнерские платья не были обычным делом даже в этом доме, полном формальностей, подавляющих всех и вся.

Дядя опять посмотрел на Анджелу, и любопытство Калли сменилось острым уколом беспокойства.

– Не забудь о том, что я сказал, – рявкнул он.

Анджела побледнела:

– Да, папа.

В восемнадцать у Анджелы и близко не было резкости и уверенности отца. Калли знала, что для ее кузины общение с деловыми партнерами отца было скорее неприятной обязанностью.

Калли сделала шаг вперед.

– Все будет в порядке, дядя. Не волнуйся, мы очень постараемся.

Аристидис Манолис с ног до головы оглядел Калли, словно ища, к чему бы придраться. Но она шесть лет была замужем за богатым мужчиной, вращалась в высшем обществе, и у нее появился лоск, который позволял ей блистать в любом окружении и играючи справляться с любой самой сложной ситуацией на светских раутах.

И ужин вчетвером даже с самым придирчивым гостем для нее проблемой не будет.

– Ты будешь хозяйкой вечера, – сказал он. – Но я не хочу, чтобы Анджела оставалась в тени, как это обычно бывает.

Калли вдруг заметила, что кивает в унисон с Анджелой. Она всего пять дней пробыла в этом доме и уже ощущала, как его атмосфера начинает ее постепенно поработать.

Неужели она всего несколько часов назад голая лежала в объятиях незнакомца? И ей хватило смелости на то, чтобы заняться с ним сексом под купой сосен у уединенного пляжа?

Как только дядя вышел, она взяла двоюродную сестру за руку. Рука у той была ледяная.

– Все будет хорошо, Анджела. Я здесь, с тобой.

Ее кузина дрожащими пальцами сжала ей руку, и Калли поняла, в каком она отчаянии. А потом Анджела отстранилась, с высоко поднятой головой, прямой спиной – воплощенная элегантность и спокойствие, именно такими и должны быть женщины из семейства Манолис. Женщины в их семье рано этому учились – скрывать эмоции, производить приятное впечатление, служить украшением и дополнением подходящего мужчины.

Подходящий мужчина. Калли подавила дрожь ужаса. Слава богу, что у нее это уже позади. Она никогда больше не будет послушной собственностью мужчины, тем более муж-

чины с маниакальной склонностью контролировать всех и вся вокруг. У нее все еще дыхание перехватывало от сознания вновь обретенной независимости.

И все же шестое чувство упорно твердило Калли – что-то не так.

– Что такое, Анджеда? В чем дело?

Ее кузина украдкой бросила взгляд на дверь.

– Этот гость... – прошептала она. – Папа хочет выдать меня за него замуж.

– Выдать замуж?

Калли ухватила за спинку первого попавшегося стула.

Словно и не было всех этих лет. Словно ей опять восемнадцать – столько же, сколько сейчас Анджеде. И опять она стоит и ждет, когда он придет – мужчина, за которого, как сказал ей дядя, она должна выйти замуж.

Если не хочет, чтобы ее семье пришел конец.

Еще один брак по расчету. Еще одна катастрофа.

– Калли?

Голос Анджели пронзил плену страшных воспоминаний. Калли изо всех сил попыталась успокоиться. Она нащупала руку Анджели, зная, как она сейчас нужна своей маленькой кузине.

Сквозь путанные мысли и шум в ушах до Калли донесся звук приближающихся шагов. Мощный голос дяди эхом отдавался в фойе, и все же тихий голос его гостя резонировал сильнее. У Калли внутри все сжалось, в этом голосе ей послышалось что-то смутно знакомое.

Она отогнала от себя эту абсурдную мысль. Ее просто выбила из равновесия новость, которую ей сейчас сообщила Анджеда. А еще полные страсти послеобеденные часы, неожиданно для самой себя проведенные с самым сексуальным мужчиной на планете. Как бы ей хотелось быть сейчас с ним, а не в подавляющей роскоши убранства комнаты в ожидании очередной катастрофы – деле рук ее дяди.

Калли вздохнула. Анджеде сейчас нужна ее поддержка. И нельзя проявлять слабость, как бы эта новость ее ни шокировала.

– Давай пока переживем вместе этот ужин, а там поговорим. – Она ободряюще улыбнулась кузине. – Он не может тебя заставлять. Помни это.

На лице у Анджели было написано сомнение, но времени рассуждать больше не было. Мужчины приближались.

И снова тембр голоса их гостя вызвал у Калли какую-то странную реакцию. В ней опять зашевелилось то, что словно проснулось сегодня под сенью сосен и чувственным и сильным мужским прикосновением.

Сердце у нее забилось чаще. Стараясь игнорировать это странное ощущение, она сделала шаг вперед. И тут же резко остановилась.

Дядя Аристидис с широкой улыбкой посмотрел на стоящего рядом мужчину, потом повернулся и широким жестом обвел комнату:

– Ну, мои дорогие, вот наш гость. Хочу представить вам очень ценного для меня делового партнера Дэймона Савакиса.

Когда Калли увидела гостя, сердце словно разбилось на тысячи острейших осколков. Где-то глубоко в горле все у нее задрожало так, что она даже вздохнуть не могла.

Элегантный. Это слово как нельзя лучше подходило для его описания. Он носил смокинг с небрежной грацией, которая свидетельствовала о его полной уверенности в себе. Но даже идеально сидящий, на заказ сшитый смокинг не мог спрятать фигуру его обладателя. У него была осанка и телосложение прирожденного спортсмена и прирожденного победителя.

Черты его лица были просто потрясающими, чувственными, в них была скрыта такая сила. Вот только нос у него слегка кривоват, как будто он его ломал. Но это только подчеркивало его харизму и неприкрытую мужественность.

Он прищурился, окинул ее взглядом, почти не скрывая оценивающего блеска. У Калли пересохло во рту. Краем глаза она заметила, что дядя тянет Анджелу вперед, чтобы представить ее незнакомцу.

Наконец, с большим опозданием, Калли все же сделала шаг вперед, протянула руку и выжала из себя вежливое приветствие:

– Здравствуйте, господин Савакис. Приятно познакомиться.

Он обхватил ее ладонь своей теплой рукой. Она задрожала от нахлынувших на нее тут же воспоминаний. О том, как этот мужчина касался ее всего несколько часов назад.

Она попыталась выдернуть руку, но он держал ее крепко. Калли запаниковала. В животе у нее все перевернулось, и она с трудом проглотила комок в горле. А потом включились воспитание и многолетние отточенные навыки. Она проигнорировала ураган эмоций, поднявшийся внутри, и нацепила ничего не значащую вежливую улыбку.

Глаза у Дэймона Савакиса были темные. Не карие, а еще темнее. Как безлунная ночь. Настолько темные, что могли повергнуть женщину в пучину страсти и желания и держать ее там, пока она не растеряет все свое самообладание и не забудет начисто о благоразумии. Калли это знала, потому что уже видела эти глаза. На себе испытала горячее приглашение, застывшее в этом смелом чувственном взгляде.

Наконец он заговорил:

– Приятно познакомиться, Каллиста.

Слова были самыми обычными. Ожидаемыми. Простой формой вежливости. В отличие от пронзающей насквозь страстности его загадочного взгляда.

Глава 2

Калли выдохнула под его взглядом.

Это он!

В ушах у нее шумело. Голос дяди прозвучал словно издалека. Она совершенно забыла все, что должна была делать и говорить. Осталось только сметающее все на своем пути желание.

Он должен жениться на Анджеле? Невозможно. Это ошибка.

Но дядя таких ошибок не совершал.

Нет!

Внутри у нее все сжалось при мысли о том, как она будет объяснять дяде, насколько хорошо она уже знает его особого гостя. Часы, проведенные с ним, должны были стать моментом вне времени, фантазией, которая осуществляется всего раз в жизни. Минутным заблуждением.

Теперь она оказалась лицом к лицу с мужчиной, который убедил ее сбросить доспехи, предназначенные для того, чтобы держать весь мир, а главное, мужчин на расстоянии вытянутой руки. Она слишком близко его к себе подпустила, отбросив осторожность, приоткрыв для него уязвимую часть своей натуры, что-то глубоко личное. И теперь уже слишком поздно снова захлопывать эту дверь. Сегодня она, сама того не желая, открыла ящик Пандоры. Чувства, которые она семь лет назад посадила под замок, снова ожили.

Она отвернулась и резковато махнула в сторону диванов. Просто необходимо было разорвать эту связь между ними, основанную на тайном знании и сильнейшем физическом влечении.

– Хотите присесть? – Голос ее звучал холодно, без всякого выражения.

– После вас. – Гость наклонил голову.

– Позвольте мне предложить вам выпить. Коктейль? Вино? Шерри? Или что-то покрепче? У нас есть анисовый ликер, бренди...

Он молча на нее посмотрел.

– Спасибо. Виски.

Калли быстро пошла к бару.

– А ты что будешь, дядя?

– Ну, конечно, бренди. – Голос его прозвучал резко, но в голове у нее был такой туман, а ноги так дрожали, что она этого почти и не заметила.

Поразительно! Конечно, она знала это имя. Дэймон Савакис. Его все знали. У него компания, работающая в самых разных странах мира и занимающаяся всем от пристаней до производства роскошных яхт, от эксклюзивных курортов на побережье до судоходных линий. У него было огромное состояние и почти сверхъестественное деловое чутье, способность бить в самый подходящий момент и получать все большие прибыли. Все признавали, что он умен, безжалостен и ему дьявольски везет.

А еще он был главным конкурентом компании Манолиса. И дядя ее всегда говорил о нем как об угрозе, а не как о друге.

Тогда почему он приплыл к ним в бухту на своей красивой, но очень старой яхте?

Он все это время знал, кто она? Она ведь была на земле, принадлежащей их семье. Но если так, он, конечно, упомянул бы, что знает ее дядю. И что собирается жениться на Анджеле.

Если только он специально не промолчал об этом.

У Калли перехватило дыхание.

Может, ему доставило удовольствие ее соблазнить, в то время как он готовился жениться на Анджеле? А может, он просто смеялся в душе над тем, какая она легковверная, как легко поддалась его чарам? И ему приятно смотреть, как она силится сохранять спокойствие?

У Калли был слишком большой опыт в том, что касалось влиятельных мужчин и их развлечений. И в том, как они используют женщин. И как она могла повести себя так глупо и доверчиво, забыть об этом?

Ее первое настоящее счастье за семь лет оказалось предательством.

Она чуть не уронила бокалы.

– Давайте я вам помогу, – произнес Дэймон у нее за спиной. – Предпочитаете вино?

Слова были вполне безобидные, но дыхание его коснулось ее шеи, и по коже у нее тут же побежали мурашки.

Она коротко кивнула и отступила, а он открыл вино. Она оказалась в углу, а он стоял так, что закрывал ее от всех остальных. Его тепло ее обволакивало. В ноздри Калли ударил знакомый запах – запах мужчины, вызвавший в ней целую бурю воспоминаний.

– Ну, вот мы и встретились, Каллиста, – прошептал он так, чтобы только она услышала, и все же в тоне его она уловила некоторое самодовольство.

Она посмотрела ему в лицо и тут же пожалела об этом. Своим взглядом он давал ей понять, что во всех подробностях помнил произошедшее между ними несколько часов назад.

– Какую роль вы играете сегодня вечером?

Калли вздрогнула от этой неожиданной атаки:

– О чем вы?

Он буднично пожал плечами, но посмотрел на нее так, как ястреб смотрит на мышь-полевку.

– От распутницы до хорошо воспитанной девушки из высшего общества за полдня. – Он поморщился. – Сейчас ты холодна как лед и вся такая правильная, а всего пару часов назад соблазняла совершенно незнакомого тебе человека. Ты всегда так легко приспосабливаешься?

На миг Калли потеряла дар речи. Не она одна на этом пляже сгорала от желания. Как смеет он ее судить?

– Я приспосабливаюсь так же легко, как и вы, мистер Савакис.

Они посмотрели друг другу в глаза. Щеки ее тут же обдало жаром, и она отвела взгляд, ее внимание привлекли его пальцы, которыми он сжимал бокал.

Указательным пальцем он скользнул вверх-вниз по ножке бокала, и во рту у нее пересохло, когда она вспомнила, как он ласкал этим пальцем ее соски. Как она стонала, пока он открывал для себя ее интимные секреты. И теперь, когда она смотрела, как медленно и сосредоточенно он водит пальцем по бокалу, как он на нее смотрит, она чувствовала себя уязвимой.

Она быстро взяла у него из рук бокал. Молниеносным движением он крепко обхватил ее руку, и она замерла.

– Почему так долго, Каллиста? – спросил ее дядя.

– Иду, дядя, – сказала она и попыталась вырвать руку из мертвой хватки Дэймона Савакиса.

– В чем дело, Каллиста? Вы что, не рады меня видеть?

Голос у него был соблазнительный, таким она его и помнила.

– Вы друг моего дяди. Вам всегда рады в этом доме, – сказала она и изо всех сил сжала губы.

Чего от нее хочет этот человек? Он совсем не похож на мужчину, который подарил ей секс, полный интимности и нежности, дал ей чувство удовлетворенности, которого она никогда прежде не испытывала.

Брови Дэймона изогнулись.

– Не очень убедительное приветствие, *glikia mou*, – прошептал он. – Я ждал от тебя чуть более теплого приема.

Сегодняшний день был так богат на эмоции, что у нее совсем не осталось сил. Физическое удовольствие пробудило в ней глубокие чувства, ей даже показалось, что оно подейство-

вало на нее живительно. Тем большее ей было видеть, что для него это всего лишь своего рода извращенное развлечение.

Наконец ей удалось отдернуть руку и взять дядин бренди. Она смерила Дэймона взглядом через плечо.

– Извините, я должна отнести это дяде.

Он не сдвинулся с места.

– А ты сегодня ночью меня наведишь, Каллиста? Чтобы я точно почувствовал себя как дома?

В его голосе безошибочно прозвучало сексуальное приглашение. Она запаниковала. Он ее обманул, заставил ее выдать самые сокровенные свои желания, о которых она и не догадывалась. А теперь он хотел посмеяться над ней. Обратить счастливые мгновения в пошлость.

– Каллиста?

Она посмотрела в его блестящие темные глаза, веселые и томные. Ему все это кажется смешным?

Она выпрямилась, возмущенно вздернула подбородок, ей было больно. Хватит с нее жестоких мужских игр. Ей до смерти надоело быть пешкой, зависящей от малейшей прихоти своего хозяина.

– Хотите знать правду? – хрипло прошептала она. – Вам здесь не место, господин Савакис. И последнее, что мне хочется делать сейчас, – это вынужденно делить с вами трапезу.

Она сделала шаг вперед. Ему пришлось посторониться и пропустить ее. Но в глазах его промелькнули удивление и гнев, значит, ему не очень-то понравилось такое ее поведение.

Велика важность! Он уже с ней поигрался. Наверняка ему приятно было соблазнить женщину, которую журналы прозвали недотрогой. А она-то поверила, что сегодняшний день был особенным. Какая же она дура! Неужели она до сих пор еще не поняла, что нельзя доверять мужчинам?

– Вот, значит, как ты хочешь вести игру, Каллиста?

В его тоне слышалось предупреждение. Она его проигнорировала:

– Я не играю, господин Савакис.

Он прищурился.

Он такой же, как все, ждет, что она будет выполнять любые его капризы. Но она теперь сама себе хозяйка, свободная и независимая.

И все же сердце ее стучало как бешеное, стоило ей только к нему приблизиться. А его взгляд на ее голой спине словно пламенем обжег ей позвоночник.

У нее было такое чувство, что ее поведение скорее раззадорило его, чем остудило его пыл.

Похоже, он воспринял ее слова как вызов и готов был его принять.

– Нет, спасибо, – покачал головой Дэймон, когда официант предложил долить ему вина.

– Да брось, Дэймон. – Хозяин дома нетерпеливо махнул рукой официанту. – Почему бы не выпить? Давай, в этом доме все только высшего качества.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил Дэймон, взглянув на слуг в униформе и золотую посуду на узорчатых скатертях.

Глядя на всю эту роскошь, мало кто догадался бы, каким шатким было финансовое положение Аристидиса Манолиса. Как близок он к тому, чтобы разориться.

А Дэймон знал. Именно его деньги могли спасти Манолиса и его семейный бизнес.

Или уничтожить его.

Всю свою сознательную взрослую жизнь он работал и ждал этого дня, когда Манолис окажется в его власти. Много лет Дэймоном двигало желание завладеть его драгоценной ком-

паний, а потом разбить ее на мелкие кусочки. Его грела мысль о том, как он отомстит за то, что семья Манолиса сделала с его семьей.

Вдруг в свете люстр что-то блеснуло, Дэймон повернулся и посмотрел на Каллисту и на ее колье. Дорогое, белого золота с бриллиантами в несколько каратов. На его вкус, оно было слишком уж кричащее, слишком явственно свидетельствовало о ее богатстве.

Она напомнила ему других богатых избалованных его знакомых. Для них значение имела стоимость драгоценных камней, а не изящество дизайна.

Глядя на нее сейчас, в элегантном платье от-кутюр, с ничего не выражающим лицом, он поверить не мог, что это та же самая незнакомка, которая так легко его соблазнила. В той женщине было столько жизни и врожденной чувственности. Она отдавалась без остатка, искренне. Она была щедрой, в ней была какая-то теплота, и он почти поверил, что она особенная. И ответил ей со страстью, которая удивила его самого. С тех пор он все время думал о ней и поклялся, что узнает, кто она такая – эта женщина, заинтриговавшая его больше всех его бывших любовниц.

И как мог он быть таким доверчивым?

– Любуетесь украшениями моей племянницы? – В голосе хозяина дома слышалось самодовольство. – Впечатляет, правда?

Каллиста подняла на них глаза. Лицо ее походило на вежливую и красивую маску. Но когда она встретила взглядом с Дэймоном, он опять ощутил укол желания.

Это его просто взбесило. Неужели он не может взять себя в руки теперь, когда он знает, кто она и что она за человек? Избалованная девочка из семейства Манолис, искавшая развлечения на стороне.

Там на пляже она просто очаровала его своей отзывчивостью, чувственностью, с которой она предавалась любви. Но как только она взглянула на него сегодня пустым холодным взглядом свысока, он понял, что время, проведенное на пляже, было всего лишь приключением пресыщенной светской львицы.

– Колье изумительное, – пробормотал он.

Взглядом он скользнул за бриллиантами на ее колье вниз в ложбинку между пышными грудями, выглядывавшими из глубокого декольте.

Она знала, как показать свою красоту. И это его раздражало. А может, его злило то, как спокойно она его разглядывала своими потрясающими зелеными глазами. Он не привык, чтобы женщины, особенно женщины, с которыми он так самозабвенно занимался любовью, были к нему равнодушны. Или говорили ему, что он недостоин того, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Только раз попробовав ее на вкус, он жаждал большего. Он собирался завтра поискать сирену, с которой занимался любовью. А теперь узнал, что его воплощенная сексуальная фантазия всего-навсего испорченная богатая девчонка. И она стыдится того, что между ними было.

Стыдится его.

Эта мысль больно ударила по его гордости, растревожила старые раны, которые, как он думал, давно уже зажили. Ее полнейшее спокойствие будило в нем какое-то извращенное желание. Он не мог устоять перед брошенным ему вызовом. Ведь она пыталась поставить его на место, как будто он ее грязная тайна. Как будто, несмотря на все его влияние и богатство, Манолис, в жилах которой текла голубая кровь, не осквернит свою светлую кожу и не позволит мужчине с его корнями выходца из рабочего класса еще раз до себя дотронуться.

– У Алкиса всегда был безупречный вкус, да, дорогая?

– Он точно знал, чего хочет, дядя.

Голос ее звучал звонко и ровно, словно она обсуждала сегодняшний ужин, а не камни стоимостью в тысячи евро, струящиеся вниз по ее груди. Она явно как должное принимала свою праздную жизнь избалованной богатой наследницы.

– Алкис? – переспросил Дэймон.

– Мой муж. – Она опустила глаза, с виду скромно, вот только шею, уши и запястья ее залила краска.

Ее муж. Это слово эхом отдавалось у него в ушах. В животе похолодело. Его обдало новой волной ярости. Надо было ему сразу догадаться. Она просто скупающая жена из высшего общества. Она его использовала.

На него нахлынули непрошенные воспоминания о тех годах, когда он еще не заработал состояние. Когда у него было только желание рисковать и коммерческая жилка. А еще внешность. Тогда богатые женщины толпами вились вокруг него в поисках приключений, пикантного романа с человеком не своего круга.

Словно бы он мог заткнуть за пояс гордость и стать игрушкой богатой дамы.

– А что ваш муж? Он здесь, с вами?

Дэймон постарался сдержать гнев и отвращение к самому себе – и как он мог выпустить на свободу свое либидо, не проверив, с кем он имеет дело?

Она подняла на него глаза. Глаза у нее были цвета моря в уединенной бухте, где была пришвартована его яхта. Моря, шум которого заглушал ее крики, когда она билась в экстазе, а потом кончила в его объятиях.

На мгновение он снова попал в плен иллюзии единения с этой женщиной, которое они испытали, когда их тела слились воедино. Ему ни с кем раньше не бывало так хорошо. Одно это вызывало в нем недоверие. Его переполняло отвращение к себе за то, что он вот так просто поверил в собственную фантазию.

– Мой муж умер несколько месяцев назад, мистер Савакис. – Она холодно на него посмотрела.

«Поздно, Каллиста!»

Пусть она строит сейчас из себя бесстрастную светскую даму, он-то знал, какой огонь пылает у нее внутри.

Ее сегодняшняя страсть не была попыткой заглушить тоску по мужу. Они не мучились мыслями о прошлом, когда любили друг друга. Это было вожделение в чистом виде.

– Мои соболезнования, – сказал он и слегка склонил голову.

Она держалась так отстраненно. В ней не было ни тени сожаления. Интересно, подумал Дэймон, что за женщина, потеряв супруга, ничего не чувствует. Инстинкт подсказывал ему – что бы ни скрывалось за этим ее ледяным выражением лица, это уж точно не разбитое сердце.

– Алкис всегда выбирал лучшее, – пророкотал Манолис. – Эти бриллианты высшего качества.

– Правда? – Дэймон наклонился, словно для того, чтобы получше рассмотреть кольцо. – Они довольно необычны. – Если можно считать необычным, чтобы человек такую кучу денег потратил на эту безвкусную побрякушку. – По-моему, я ничего подобного раньше не видел.

– Они сделаны на заказ. Каллиста, дай нашему гостю взглянуть на них поближе. Не ломайся, девочка.

– Дядя, уверена, он не захочет...

– Напротив, – перебил ее Дэймон. – Мне бы очень хотелось увидеть их вблизи.

Если семейство Манолис настолько вульгарно, что так выставляет напоказ свое богатство, он не преминет этим воспользоваться.

Он заметил, как Каллиста быстро переглянулась со своей молчаливой кухней, потом встала и пошла к нему.

Тысячи крошечных серебряных бусин на ее платье заиграли в свете ламп. Все ее тело словно засверкало, и он почувствовал, как напряглась его плоть. Наряд оттенял роскошные изгибы ее тела. Все его мышцы напряглись от усилий, чтобы усидеть на месте и не потянуться к ней рукой. Заявить на нее свои права, он так жаждал этого даже сейчас.

Когда она остановилась совсем близко, он почувствовал аромат ее духов. Он знал, сколько стоят эти духи. Он купил такие же своей последней любовнице в качестве прощального подарка.

Он раздраженно поднялся, осознав, что ему больше понравился запах ее обнаженной кожи сегодня.

Каллиста встала, груди ее быстро вздымались и опускались, отчего камни играли в искусственном свете. На его вкус, она смотрелась бы лучше без этих бриллиантов. Дэймон потянулся к ее сережке. Каллиста вся задрожала, и камни заискрились. Дэймон оценил эту ее реакцию.

Значит, она не так спокойна в его присутствии, как хочет показать.

– Замечательно, – пробормотал он и подступил к ней так близко, что почти касался теперь ее тела.

Он сделал вид, что разглядывает тяжелый кулон, а на самом деле проследил взглядом линию ее декольте. У него руки зачесались, когда он вспомнил, как приятно было трогать ее грудь.

– Да, Алкис знал, на что тратить деньги.

– Не сомневаюсь. – Дэймон заглянул в ее глаза цвета морской волны, теперь он был так близко, что опять видел те золотые искорки, которые так его ослепили.

Теперь он понял, кто она такая. Перед тем как сюда приехать, он навел справки о семье Манолис и узнал, что у них есть дочь. А вот о племяннице он как-то не подумал.

А ведь это та самая женщина, о которой говорили все Афины, когда в девятнадцать лет она вышла за богатого американца с греческими корнями, променяв свою молодость и красоту на роскошный образ жизни и престижное имя.

Дэймон тогда был на тихоокеанском побережье, заключал сделку по строительству эксклюзивной бухты. Когда он вернулся, все говорили о Каллисте и ее муже. Теперь он понял почему. Она потрясающе красива, одна из самых прелестных женщин из всех, что он видел.

Он намеренно отвернулся и посмотрел на вторую присутствующую в комнате женщину.

– Но иногда самые ослепительные украшения проигрывают по сравнению с естественностью.

Он услышал сдавленный вздох у себя за спиной. Каллиста привыкла получать все внимание на фоне своей тихони кухни. Но не тут-то было.

– Ты прав, Дэймон. Абсолютно прав, – пророкотал Манолис с излишним добродушием в голосе. – Иногда истинная красота бывает более тонкой.

Вот тонкости-то у хозяина дома как и не было ни на грош. Он с явным усердием расхваливал достоинства собственной дочери, как будто она была породистым жеребцом на аукционе.

Дэймон прищурился.

Неужели Аристидис всерьез думает, что его, Дэймона Савакиса, который мог выбирать любую женщину, какая ему только понравится, может заинтересовать застенчивая мышка? Да она даже взглянуть на него не может, не покраснев. Под тяжелым взглядом отца она, запинаясь, завела с Дэймоном наискучнейший и наибанальнейший разговор. Потом Манолис начал что-то там говорить о том, как важно в бизнесе доверие и как хорошо бы, чтобы у всех партнеров общими были не только деловые, но и личные интересы.

Дэймон сжал губы. Так вот откуда ветер дует! Манолис надеялся, что Дэймону понравится его дочь. Он, должно быть, спятил. Или, может, он в более отчаянном положении, чем думал Дэймон. Или догадывается о том, что Дэймон собирается разрушить его компанию.

Дэймон посмотрел на Каллисту. Если страсть, которую они разделили, хоть что-то для нее значила, своднические намерения дяди не могли ей нравиться. Но она держалась по-королевски спокойно. Интересно, она по доброй воле себя ему сегодня предложила? Или ее визиты в уединенную бухту были частью плана Аристидиса Манолиса?

Это подозрение закралось в сознание Дэймона в ту самую секунду, как он ее здесь увидел. Может, Манолис узнал о том, что Дэймон решил приехать пораньше и немного отдохнуть, и решил смягчить его перед переговорами при помощи своей племянницы? От такого человека, как Манолис, вполне можно было ожидать такого дешевого трюка. Ну, тогда Манолис просчитался. Она не прочь была заняться горячим сексом с незнакомцем, но гордость аристократки не позволяла ей открыто общаться с выходцем из рабочего класса.

Интересно, что она получила за то, что согласилась помочь дяде?

Дэймону стало так противно, что он даже ощутил горечь во рту. У Манолиса нет выбора. Скоро он завладеет его компанией. Эта мысль согревала ту часть сердца Дэймона, которая все еще цеплялась за прошлое. Дэймон склонен был предоставить своим юристам вести эти переговоры. Сюда его привело лишь любопытство. Он помнил, с каким восхищением и трепетом говорили в его семье о Манолисах, на которых работали его отец и дед. О компании, которая в конечном счете их уничтожила.

Времена изменились, и игроки тоже поменялись местами. Теперь Дэймон настолько влиятелен, что одного его слова достаточно для того, чтобы спасти эту семью или окончательно ее сломать. Все, что он сегодня здесь увидел, вызвало в нем одно только презрение к хозяевам этого дома.

И все же... он перевел взгляд на Каллисту, та окинула его прохладным взглядом и отвернулась к кухне. Губы ее изогнулись в полуулыбке, от которой у него дыхание перехватило. Какими бы ни были ее мотивы, она его использовала, как полного идиота. Его мужская гордость требовала сатисфакции. Дэймон Савакис не привык, чтобы им манипулировали. Но и сейчас тело его все горело огнем, жаждало ее тела. Эта история еще не закончена. Она не может закончиться, пока желание к ней накрывает его вот так с головой.

В эту секунду он решил принять приглашение Манолиса и остаться. Не потому, что их деловые переговоры требовали его присутствия.

Он собирался здесь заняться намного более личным делом.

Глава 3

– Этого не может быть. Что значит – мой трастовый фонд заморожен? – Калли пришлось приложить массу усилий, чтобы не повышать голос на дядю. – Я наследую деньги в день своего двадцатипятилетия. То есть сегодня.

Он не смотрел ей в глаза.

Плохой знак. Обычно дядя Аристидис в ответ на неудобные вопросы просто хамил. И то, что он сейчас этого сделать не попытался, не на шутку встревожило Калли. К тому же он всю неделю очень уж старательно избегал приватной беседы с ней. Наконец, когда они попрощались с Дэймоном Савакисом, он позвал ее к себе в кабинет.

Она поехала, ей не хотелось думать о Дэймоне Савакисе.

Ей все нервы измотал вечер, когда она вынуждена была беседовать с этим человеком, то разговаривавшим с ней снисходительно-вежливым тоном, то пожиравшим ее глазами. С человеком, которому она поверила на несколько коротких часов.

– Когда ты родилась, именно так мы и собирались сделать. Но обстоятельства изменились.

– Нет, дядя. Вы не просто собирались так сделать. Это все оформлено юридически. Мои родители учредили трастовый фонд, когда я была ребенком. Сегодня я наследую имущество.

От родителей у нее почти ничего не осталось. Одни только воспоминания и старый потрепанный фотоальбом. Когда она переехала к своим греческим родственникам – убитая горем четырнадцатилетняя девочка, – ее дядя коротко проинформировал ее о том, что дом ее родителей будет продан со всем, что в нем было.

Калли тогда приехала с одним чемоданом и новым зеленым рюкзаком, который мама купила ей для запланированного семейного отдыха на яхте. Опять сердце ей больно кольнуло. До сих пор воспоминание о той потере живо было в ее сердце.

– Ты получишь свое наследство, Каллиста. Мне просто нужно время, чтобы это организовать. Я не думал, что тебе так срочно понадобятся деньги из фонда. Как насчет того, что тебе оставил Алкис?

– Алкис оставил свое состояние детям, и ты это прекрасно знаешь. Уверен, вы об этом с ним договорились, когда ты меня за него сватал. Поэтому я и хочу разобраться с фондом.

У Калли были планы на будущее, но ей нужны были деньги, чтобы воплотить их в жизнь. Когда она отсюда уедет, она продаст последнее из своих кричащих украшений с драгоценными камнями и на эти деньги откроет маленький магазинчик. Она сама будет принимать решения и никому не позволит лезть в свою жизнь. Она по собственному горькому опыту теперь знала, что полагаться можно только на себя, если хочешь быть хоть немножечко счастливой. Она знала, чего хочет, и ничто ей не мешает добиться своей цели.

– Может, мне просто позвонить семейным адвокатам и...

– Нет! – рявкнул дядя. – Ты всегда была такой своевольной. Ну почему бы тебе просто не подождать вместо того, чтобы меня изводить?

Своевольной? Наоборот, она была слишком покладистой и позволяла мужчинам заправлять своей жизнью. Но больше этому не бывать.

– Я тебя расстраиваю, дядя. Не беспокойся. Я завтра поеду в Афины и сама улажу все формальности.

Во взгляде его блеснуло что-то, граничащее с ненавистью.

– Толку от этого никакого не будет. Там ничего нет.

Калли побледнела. Ее дядя никогда не шутил, особенно когда речь шла о деньгах.

– Не смотри на меня так, – прорычал он. – Ты свое получишь. Как только я заключу сделку с Дэймоном Савакисом.

– Какое он имеет отношение к моему наследству?

– У нашей семейной компании... в последнее время дела шли неважно. Мы столкнулись с разного рода трудностями, неожиданными затратами на рабочую силу, ресурсы, а тут еще спад на рынке.

Странно, что спад на рынке ударил только по компании Манолиса, в то время как его конкуренты, такие как «Савакис энтерпрайзес», процветали. Аристидис Манолис думал, что она этого не знает. Он вообще считал своих родственников тупоголовыми куклами, не способными понять даже основы бизнеса.

– И?... – Калли с радостью опустилась в кресло, потому что ноги ее все равно не держали.

– И когда я заключу сделку с Савакисом, эти временные трудности с наличностью разрешатся.

– Но это не объясняет, что же случилось с моим трастовым фондом.

– У компании были проблемы. Я должен был как-то удержать ее на плаву. Временная мера, чтобы не пойти ко дну.

В горле у Калли застрял комок, она почти не могла дышать. Она закрыла глаза, и в ушах ее громко отдавалось биение собственного сердца.

Сколько раз может этот человек вот так ее предавать? И почему она вдруг наивно поверила в то, что впервые в жизни все у нее будет хорошо?

Жадность и предательство. Она все время сталкивалась с этим в своей взрослой жизни. Казалось бы, пора бы уже привыкнуть, и все же ей всегда становилось больно, когда она в очередной раз становилась жертвой людской подлости и двуличности.

Она устало открыла глаза и посмотрела на брата своего покойного отца.

– Ты украл мое наследство, – прошептала она.

– Каллиста Манолис! Думай, что говоришь! Теперь, когда твой муж умер, я глава твоей семьи.

– Я знаю, кто ты. И я думала, у тебя хватит гордости не воровать у членов своей семьи.

Он резко ударил кулаком по столу.

– Я не воровал. Это было временное перераспределение активов. Ты просто не понимаешь...

– Я понимаю, что ты вор. Ты мой опекун и должен был действовать в рамках закона и деловой этики.

Калли изо всех сил сдерживала ярость. Ей очень хотелось заявить на него в полицию. Увидеть, как хотя бы один из мужчин, которые использовали ее в собственных целях, за это ответит.

Но ее останавливала мысль о двоюродной сестре и тетушке. Им правосудие только навредит, а денег ей все равно не вернет.

– Деньги скоро будут у тебя.

Она никогда раньше не слышала от него такого умоляющего тона.

– С процентами. Как только эта сделка будет официально оформлена.

– Ты что, надеешься, что Дэймон Савакис поможет тебе в трудную минуту? Он известен своими победами в бизнесе, а не состраданием к конкурентам.

– Но мы не будем конкурентами. Если все пойдет так, Дэймон Савакис станет не только моим деловым партнером, но еще и членом нашей семьи.

Калли резко остановилась, когда услышала голоса у бассейна. Кузина Анджела и Дэймон Савакис. Это его смех.

Только вчера, прижимаясь к его широкой груди, она слышала, как срываются с его губ стоны удовольствия. Она сжала пальцы, снова ощутив, как ее накрыло волной желания. Какая же она дура! Он использовал ее, позабавился с ней, как с дешевой игрушкой. Она приняла

тогда его эмоции за чистую монету, не усомнилась в том, что его влечение по силе равно ее собственному. Но потом его появление у них в доме вдребезги разбило все ее грезы. Как пикантно – недавняя любовница и будущая невеста под одной крышей! Его это, наверное, позабавило.

Она не верила, что на пляже он не знал, кто она такая.

Конечно, куда интереснее соблазнить женщину, прозванную Снежной королевой, чем кувыряться с очередной горящей желанием представительницей прекрасного пола.

Она выпрямила спину.

– Доброе утро, Анджела. Господин Савакис.

Видимо, поговорить наедине с Анджелой ей так и не удастся. Вчера ее позвал к себе дядя Аристидис, а потом она кузину не нашла.

– Извини, что опоздала. Я не знала, что у нас гости.

– Господин Савакис останется на несколько дней, – тихо сказала Анджела, у Калли тут же холодок по спине пробежал.

«Несколько дней!» Все еще хуже, чем она думала.

– Он приехал к завтраку.

Голос Анджелы звучал спокойно. Только близкий ей человек заметил бы, как она на самом деле нервничает.

Калли стало стыдно за то, что она так долго спала и ее застенчивой кухне пришлось самой принимать посетителя. Ее всю ночь одолевали мысли о том, что сказал дядя о состоянии их финансов, и о том, каким на самом деле оказался Дэймон Савакис.

– Ваш дядя был настолько любезен, что пригласил меня еще отведать вашего гостеприимства.

Ей только почудился сарказм в двух последних словах? Как будто он говорил о какой-то личной услуге, которую он ждал именно от нее?

Калли медленно повернулась к нему. Вид у него был жутко самодовольный. И Калли сама ужаснулась тому, как в очередной раз отреагировало на него ее тело, невзирая на ее гнев.

– Я как раз собиралась показать господину Савакису гостевое бунгало, – пояснила Анджела.

– Прошу вас, называйте меня Дэймон. Когда вы говорите «господин Савакис», мне начинает казаться, что я ровесник вашего отца. Нет нужды церемониться.

«Еще как есть», – подумала Калли, украдкой взглянув на Анджелу.

– Спасибо, Дэймон. Пожалуйста, зовите меня Анджела.

– Анджела. – Он коротко ей улыбнулся, потом повернулся к Калли и впери в нее взгляд своих темных глаз.

– Формально вы действительно из другого поколения, – сказала Калли прежде, чем он успел к ней обратиться. – Вам ведь под сорок, так? А Анджеле только восемнадцать.

Он сдвинул брови, потом его губы дрогнули, не раздраженно, скорее весело.

– Мне тридцать четыре, раз уж вам так хочется это знать. И мне уже достаточно лет, чтобы я знал, чего хочу, Калли. Я могу называть вас Калли? Или вы предпочитаете Каллиста?

Ей не нравились оба варианта. Слишком уж интимно ее имя звучало в его устах, особенно когда он говорил таким бархатным голосом, рассчитанным на то, чтобы соблазнить любую девушку.

– Я... – Она уже хотела сказать, чтобы он называл ее полным именем, но тут заметила, с каким волнением смотрит на нее Анджела. – Да, конечно, зовите меня Калли.

– Спасибо, Калли.

В глазах его сверкнул огонек, значение которого она не понимала.

– Извините. – Анджела встала. – Мне нужно ответить на звонок.

Калли заметила, как порозовели щеки Анджелы – наверное, звонил Нико. Он был сыном местного доктора и уже много лет был влюблен в Анджелу. Он с нуля начал строить собствен-

ную туристическую компанию в надежде заслужить наконец доверие дяди Аристидиса и получить его согласие на то, чтобы они с Анджелой поженились.

Калли прекрасно знала – Аристидис никогда не позволит дочери выйти за местного мальчишку, каким бы хорошим он ни был человеком и как бы сильно они с Анджелой ни были влюблены друг в друга. Для ее дяди значение имели только положение в обществе и деньги.

Она окинула взглядом потягивающего кофе Дэймона Савакиса. Он за секунду охмурит бедняжку Анджелу, а потом побежит искать развлечений на стороне. Также легко он и Калли вчера соблазнил. Она поежилась. Она не станет смотреть, как дядя испортит Анджеле всю жизнь, выдав ее замуж по расчету так же, как сделал это когда-то с ней. Особенно учитывая, что у Анджелы есть шанс стать счастливой с честным мужчиной, которому она небезразлична.

– Не торопись, Анджела. Я позабочусь о нашем госте.

– Звучит многообещающе.

– Что, простите? – Анджела повернулась к Дэймону.

– Мне нравится идея, чтобы ты обо мне позаботилась, – протянул он. – Что ты предлагаешь?

Он скользнул взглядом по ее желто-зеленой майке и дальше вниз на голый живот. Как будто погладил ее ладонью.

– Показать вам гостевое бунгало.

Калли пожалела о том, что на ней сейчас брюки и короткая майка. Если бы она знала, что он здесь, она бы надела закрытую тунику. Хотя это все равно бы не помогло. Он помнит, как она выглядит обнаженной. И она тоже хорошо помнила каждый сантиметр его тела.

Она вздохнула и отвела глаза, стараясь не думать об этом, а также о гормонах, бурно требовавших обратить на него самое что ни на есть пристальное внимание.

– О, Калли, и это все? – Он провел пальцем по ее шее. – А я-то надеялся на что-то более... интимное.

Она вздернула подбородок, выпрямилась и изо всех сил постаралась успокоиться. Прогноировав желание, которое вспыхнуло в ней с невероятной силой, она пошла вперед, удивляясь тому, как трудно ей было сейчас притворяться.

– Гостевые комнаты в этой стороне, – сказала она, когда смогла, наконец, говорить ровным голосом.

Дэймон смотрел, как она идет впереди него по лужайке. Ее бедра соблазнительно покачивались, и он голодным взглядом вперился в ее плотно облегающие белые брюки. Она надела их, чтобы его подразнить? Неужели она носит стринги? Или под брюками у нее вообще ничего нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.